

далекое и близкое

1966-й год. Начало моего второго года обучения на факультете иностранных языков Кемеровского государственного педагогического института. Однажды во время перемены к нам в группу пришёл студент третьего курса Саша Шишигин. Он положил на стол огромный почтовый холщовый мешок и сказал: «Девчонки, выручайте! Это – письма из ГДР в ответ на моё обращение в молодёжный журнал с предложением дружбы с немецким студентом или студенткой. Я хотел вступить в переписку, чтобы глубже изучить немецкий язык. Написал о своих интересах и увлечениях, и вот результат – более сотни писем! На все я, конечно, не смогу ответить, выбрал себе парочку. Может, кто-то из вас захочет, как и я, переписываться? Берите! Это всё – ваше!»

Мы стали рассматривать конверты с письмами и открытки, выбирали себе понравившиеся. Меня подкупило одно скромное, немногословное, написанное каллиграфическим почерком письмо от студентки института физкультуры из Магдебурга Уши Шмидт (Уши, как я потом узнала, – это уменьшительно-ласкательная форма имени «Урзула»). Уши писала, что занимается спортом, любит музыку и театр, любит читать и путешествовать.

Первое своё письмо я построила таким образом, чтобы объяснить девушке, почему не Саша, а я отвечаю ей, и предложила переписываться. Уши с радостью согласилась и в первом же письме сделала комплимент по поводу моего владения немецким языком. Ну, это скорее всего был аванс. И всё равно было приятно. Так и завязалась наша переписка, растянувшаяся на целые десятилетия.

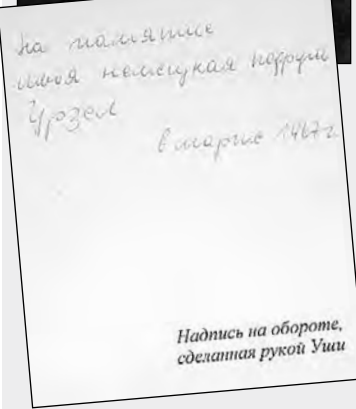
За эти годы Уши стала мне близкой подругой. Благодаря переписке с ней я глубже узнала немецкий язык, свободнее, чем мои сокурсницы, говорила на нём. Мне просто очень повезло с Уши – человеком эрудированным, одарённым, интересным. Мне было с ней легко и просто обсуждать любые наши девичьи проблемы.

Переписываясь с немецкой подругой, я узнала о ней и её семье, об их образе жизни, интересах, о проблемах, столь похожих и не похожих на наши. Например, от Уши мне стало известно о том, что где бы она ни жила, у неё никогда не возникало затруднений с жильём, даже в пору студенчества. Она всегда въезжала в меблированную квартиру и жила в ней за символическую плату. От неё же я узнала о пособии на второго (и более) ребёнка в семье. У нас же такая форма социальной помощи появилась лишь в последние несколько лет...

В отличие от меня, никогда не жившей богато, Уши могла себе позволить (да и сейчас продолжает) путешествовать по всему миру. Подруга побывала в США, Сингапуре, Вьетнаме, Египте, Испании (к слову, там, в Барселоне, в настоящее время проживает её дочь Хельга), французских и швейцарских Альпах, Канаде, в Великобритании, Китае, тропической Малайзии, Турции, ЮАР, на Кубе. И этот список можно было бы продолжать...

Я же в своё время могла рассказать подруге лишь о двух своих поездках за рубеж: в мае 1975 года – в Германскую Демократическую Республику и в

Недавно, к своему очередному юбилею, получила открытку из Германии от своей подруги Уши Бэнес. На пять лет затянулась пауза после последнего моего письма и посылки в её адрес, и вот опять – привет издалека. Воспоминания накрыли меня с головой...

Уши в 1967 г. и надпись на обороте фото, сделанная ее рукой.

Нина Небогатова – крайняя справа внизу. 2-й курс. 1967 год.

декабре 1985-го – в Венгрию. В ГДР я ездила рядовым туристом. В Берлине в один из дней мы с Уши повидались и провели вместе около трех часов в одном из вечерних кафе «Для тех, кому за тридцать». История эта довольно курьёзная, но тогда мне было, ей Богу, не до смеха.

Дело было так: после обеда в кафе цокольного этажа у подножия телебашни на Александерплац мы вернулись в гостиницу (вернее, в студенческое общежитие неподалёку от улицы Унтерден Линден («Под липами»), ведущей к Бранденбургским воротам – символу Берлина). Надо было складывать вещи перед переездом в другой город, и мы разложили свои сумки и чемоданы на одном большом – прямо посреди комнаты – столе. Вдруг раздался резкий стук в дверь, и через секунду в комнату как вихрь влетела... моя немка! От

Дружба – фройндшафт, или 45 лет переписки

шока я потеряла дар речи. Она что-то весело щebetала, а я никак не могла прийти в себя. Наконец, до меня стал доходить смысл того, что она говорила. Оказывается, она уже (через нашу переводчицу Зигрид Коль) договорилась с руководителем группы Юрием Хрусталёвым о том, чтобы «украсть» меня на пару-тройку часов.

И вот вечером она зашла за мной, и мы отправились буквально за угол нашего общежития, в то кафе. Там – несколько этажей. На первом в окошечке за стеклянной дверью табличка – «Всё занято». На следующем этаже

волнения от неожиданной встречи, я позабыла всё на свете. Перепутав названия (сок по-немецки – «Зафт», а шампанское – «Зект»), я ткнула пальцем именно «Зект». И что вы думаете? Через мгновение вижу: на полусогнутых ногах официант несёт нам... огромное ведро, из которого предательски высится бутылка шампанского, да ещё и глыба льда вокруг плавает! Я готова была сторесть от стыда: вот это выбрала скромненько сока! Немка моя захохотала, зацокала языком, приговаривая: «Отменный вкус!» Выпили по глоточку, закусили, разговорились. И куда подевалась моя скованность?! Мы не просто говорили – болтали легко и непринуждённо!

Вскоре к нам, с нашего согласия, разумеется, посадили каких-то двух молодых людей. Один из них пригласил меня танцевать. Я страшно не хотела, но Уши шепнула, что отказывать неловко. Ну, что ж, пошла, хоть и с неохотой. В танце разговорились. Немец этот, оказалось, пять лет учился в Ленинграде, плохо, но пытался говорить по-русски. Потом сдался: «Нет, фройляйн Нина, лучше ты говори – у тебя хороший немецкий!» И вот в разговоре с ним мне не понравилось, что он как-то неуважительно говорит о нашей стране. Я «встала на дыбы». Только что не подрались! Уши меня успокаивала шёпотом: «Не хватало ещё международного скандала! Вот всегда они так, эти пришельцы из Западного Берлина: приходят после работы в наш – советский – сектор и скандалят». Еле-еле уладили конфликт, но Уши же мною и восхитилась: «Ну, ты такой патриот!»

Этот вечер у меня очень чётко запечатлелся в памяти – так и стоит перед глазами!

Снемочкой мы больше не виделись. На протяжении всей нашей переписки она несколько раз собиралась приехать ко мне в гости. Был даже момент, когда я делала ей вызов. Но не случилось.

Уши неоднократно присылала мне посылки – с разного рода вкусностями и сувенирами, а иногда и деньги – по 5-10 долларов, дойч-марок, евро. Суммы

были, конечно, небольшие, но и этого хватало, чтобы почувствовать себя неловко. Я подругу благодарил, но и объясняла, что не надо так больше делать, хотя и понимаю, что это из лучших побуждений. Ведь подарить что-то она не могла, да и побаивалась, что посылку могут, мягко говоря, «пошерстить». Бывали и такие случаи...

За эти долгие годы мы обменивались не только письмами, открытками и посылками, но и многочисленными фотографиями. У меня есть несколько фотографий Уши далёких 60-х, когда мы только познакомились, есть и более поздние снимки. К слову сказать, когда мы повстречались в Берлине, Уши заметила, что я – такая, какой она меня себе и представляла. Мы обе ростом невелички, обе были щупленькие, симпатичные. Невозможно было понять, кто из нас немка, кто русская. Одно различие, впрочем, всё же было заметно: немочка – более раскованная, общительная, я – очень «зажатая», стеснительная. Даже довольно беглый немецкий не всегда выручал. Хотя в той поездке наш гид Вилли и уже упомянутая переводчица Зигрид отметили мой хороший немецкий с берлинским произношением. Это, конечно, было очень приятно слышать. И я при случае всегда говорила слова благодарности своим преподавателям. В Лейпциге, например, произношение очень отличается от берлинского, но и там меня спросили: «Вы учились в Москве?» Я с гордостью ответила, что училась в Кузбассе, в Кемерове. Меня переспросили: «Кузнецк знаем, а Кемерово, Кузбасс – это где?» Пришлось объяснить, что Кузбасс – это угольный край, столицей которого является Кемерово, а Новокузнецк – один из крупнейших городов Кузбасса, металлургическая, можно сказать, столица.

Скоро и у моей подруги юбилей. 6 января она его отпразднует, однако работать (а она преподаёт в школе спорт и немецкий язык) ей придётся ещё до конца января. Только тогда она пойдёт на пенсию. Всю жизнь она трудилась в своей профессии, которую никогда не собиралась менять. Спорт – или аэробику – она с удовольствием преподаёт, занимаясь с девочками. У самой Уши специализация была «лёгкая атлетика», однако я знаю, что сильна она была и в лыжных гонках, и в гребле на каноэ.

Много раз я писала подруге, что горжусь нашей дружбой, что благодаря тот случай, который свёл нас на десятилетия. В моём очередном послании придётся не только поздравить Уши с юбилеем, но и огорчить её сообщением о смерти моего дорогого мужа Саши (она так радовалась, узнав, что рядом со мной – замечательный, заботливый, любящий мужчина)... И она на данный момент одна. Со своим другом – Петром – рассталась много лет назад. Писала: «Какое счастье, что мы не были официально женаты. Это снимает многие проблемы и значительно облегчает дальнейшую жизнь порознь». И всё равно, я рада, что и в её жизни был дорогой человек, с которым ей, пусть и недолго, но было хорошо...

Нина НЕБОГАТОВА-ОКУНЕВА-ИНЬКИНА.

Кемерово.